

Robert A. Heinlein

The Unpleasant Profession
Of Jonathan Hoag

Р О Б Е Р Т Х А Й Н Л А Й Н

Непри
ятная
профессия
Джонатана
Хога

Москва
2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
X15

Robert A. Heinlein

THE UNPLEASANT PROFESSION OF JONATHAN HOAG
Copyright © 1942, 1969 by Robert A. Heinlein

Разработка серии *Марии Коняевой*

X15 **Хайнлайн, Роберт.**
Неприятная профессия Джонатана Хога /
Роберт Хайнлайн. — Москва : Эксмо, 2018. — 224 с.
ISBN 978-5-04-097551-8

США. Чикаго. Джонатан Хог не помнит, чем занят в течение дня. Но каждый вечер он вычищает из-под ногтей засохшую кровь. В чем заключается его работа? Чтобы выяснить это, Хог нанимает частных детективов. И то, что они выясняют, способно привести в ужас каждого...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-097551-8

© М. Пчелинцев, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

...не может быть у счастья
Счастливого конца.
Бесстрашно отгоните
Надежд самообман,
С достоинством примите
Тот жребий, что нам дан;
Отжив, смежим мы веки,
Чтоб не восстать вовеки,
Все, как ни выются, реки —
Вольются в океан.

*А. И. Суинберн
(пер. М. Донского)*

— Так это кровь, доктор?

Сидящий на стуле Джонатан Хог нервно облизнул губы и подался вперед, пытаясь разглядеть, что написано на бумажке, которую держал в руках медик.

Доктор Потбери пододвинул бумажку поближе к себе и поверх очков взглянул на Хога.

— Скажите, — спросил он, — а разве есть причина, по которой вы ожидали, что под ногтями у вас окажется кровь?

— Нет. То есть я хотел сказать... Впрочем, нет... никаких причин так думать у меня нет. Но ведь это действительно кровь, да?

— Нет, — мрачно ответил Потбери. — Нет, это не кровь.

Хог понимал, что, услышав это, должен был бы испытать облегчение. Но он его почему-то не испытывал. Он подозревал, что убедил сам себя в том, что темные полосы у него под ногтями — засохшая кровь, чтобы в го-

лову не лезли другие, куда менее приятные мысли.

Ему стало плохо. Но он должен был выяснить...

— Так что же это, доктор? Скажите.

Потбери окинул его взглядом:

— Вы задали мне конкретный вопрос. Я на него ответил. Вы не спрашивали меня, чем является это вещество, вы попросили меня определить, кровь это или нет. Так вот, это не кровь.

— Но... Да вы просто играете со мной. Покажите мне результат анализа. — Хог привстал со стула и потянулся к листку бумаги.

Доктор успел схватить его первым и аккуратно разорвал надвое, потом еще надвое и еще.

— Послушайте, вы...

— Больше ко мне не обращайтесь, — ответил Потбери. — И можете не беспокоиться об оплате. А теперь убирайтесь. И чтобы я вас больше не видел.

Хог пришел в себя уже на улице, он брел к станции надземки. Он был буквально потрясен грубостью врача. Грубости он боялся так же, как некоторые люди боятся змей, или высоты, или замкнутого пространства. Грубости, пусть даже и не обращенной лично на него, а даже просто проявленной в его присутствии.

Ему становилось плохо, его охватывало чувство беспомощности и стыда.

А если уж грубили непосредственно ему, то обычно единственным спасением становилось бегство.

Он шагнул было на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей наверх, к станции надземки, но остановился. Поездка в вагоне надземки была по меньшей мере серьезным испытанием, со всей этой давкой, толкотней, грязью и всегда возможными оскорблениями; сейчас Хог был не в том состоянии, чтобы их выслушивать. Сейчас, если бы ему пришлось услышать оглушительный визг вагонов на повороте, когда они сворачивают к Петле, он, наверное, тоже бы завизжал.

Он резко развернулся и едва не столкнулся с человеком, который также собирался подняться наверх. Он отшатнулся.

— Поосторожнее, приятель, — буркнул человек и, протиснувшись мимо Хога, начал подниматься наверх.

— Извините, — пробормотал Хог, но мужчина был уже слишком далеко.

То, что сказал мужчина, было скорее резкостью, чем грубостью, поэтому в принципе не должно было подействовать на Хога — и тем не менее подействовало. Ему было неприятно и как тот был одет, и его внешность, и его запах. Хог сознавал, что не было ничего особенно неприятного ни в вытертых брюках, ни в кожаной куртке, да и лицо незнакомца было самым

обычным — лицом человека, изрядно попотевшего на тяжелой работе. На его кепке Хог успел заметить какую-то бляху с выгравированными на ней цифрами и буквами. Но решил, что этот человек был водителем грузовика, или механиком, или сборщиком, в общем, любым из тех компетентных мускулистых людей, благодаря которым все в стране и крутится. Кроме того, хороший семьянин, любящий отец и кормилец, самый главный недостаток которого — лишняя кружечка пива после работы.

Со стороны Хога было сушим ребячеством позволять себе пренебрежительно относиться к подобной внешности и предпочитать белые сорочки, ладно сидящее пальто и перчатки. И все же, если бы от незнакомца пахло лосьоном для бритья, а не потом, это было бы гораздо приятнее.

Сказав себе это, он добавил, что все это просто глупость и слабость. И тем не менее... разве может такое грубое обветренное лицо и в самом деле быть признаком внутренней доброты и чувствительности? Этот нос картошкой, эти пороссячи уши?

Ладно, ничего, он поедет домой на такси и постарается ни на кого не смотреть. Стоянка оказалась неподалеку, у небольшого магазинчика.

— Куда? — Дверца такси была распахнута, голос таксиста был безразлично настойчив.

Хог встретился с ним взглядом, поколебался и передумал. Опять эта грубость во всем: пустые глаза и угреватая кожа с крупными порами.

— Э-э-э... простите. Я кое о чем забыл. — Он развернулся, чтобы уйти, и тут же резко остановился, поскольку за талию его что-то держало. Это был мальчишка на роликовых коньках, который с размаху врезался в него. Хог с трудом восстановил равновесие и попытался изобразить на лице отечески добрую улыбку, которой он всегда пользовался, имея дело с детьми.

— Ну и ну, молодой человек! — Он взял мальчишку за плечо и поставил на ноги.

— Морис! — раздался над самым его ухом визгливый крик, пронзительный и бессмысленный. Кричала высокая дородная женщина, пулей вылетевшая из магазинчика. Она схватила мальчишку за руку, дернула к себе и свободной рукой отвесила ему звонкую оплеуху. Хог хотел было заступиться за беднягу, как вдруг заметил, что женщина злобно уставилась на него. Ее отпрыск, заметив или почувствовав отношение матери, изо всех сил пнул Хога.

Конек угодил тому в голень. Ногу пронзила резкая боль. Хог поспешил прочь с единственной целью убраться подальше. Он свернул на первую же поперечную улицу, слегка прихрамывая из-за ушибленной голени, а его уши и шея буквально горели от стыда, будто он и в самом деле

дурно обошелся с ребенком. Улица оказалась ничуть не лучше той, с которой он только что свернул. Здесь не было магазинов, а над головой не нависала грубая стальная эстакада надземки. По обеим сторонам улицы тянулись многоквартирные четырехэтажные доходные дома, на тротуарах кишмя кишели люди.

Поэты всегда воспевали красоту и невинность детства. Вот только это явно не относилось к детям, обитающим здесь. Хогу показалось, что и то и другое явно последнее, что у них на уме. Мальчики, с его точки зрения, были похожи на крысят, пожалуй, слишком шустрые для своих лет — драчливые, пронырливые и злобные. Девочки, на его взгляд, тоже были не лучше. Восьми- или девятилетние — худосочные и голенастые, — на их изможденных лицах будто бы было написано, что они только и знают, что сплетничать. Словом, мелкие душонки, которым от роду суждено причинять всем несчастья и глупо хихикать. Их сестры чуть постарше, слишком рано познавшие уличную жизнь, казалось, всецело заняты выставлением напоказ своих недавно обретенных женских достоинств — не для того, чтобы заинтересовать Хога, а перед своими прыщавыми приятелями, тусующимися возле аптеки.

Даже младенцы в колясках... Хог раньше считал, что ему нравятся младенцы, и ему всегда нравилось выступать в роли почетного

дядюшки. Но только не здешние. Сопливые, пахнущие чем-то кислым, с нездоровым цветом лица и орущие во все горло...

Небольшая гостиница была похожа на тысячи других, явно третьеразрядная и даже не пытающаяся претендовать на что-либо иное. Неоновая вывеска гласила: «Отель Манчестер. Временно и постоянно». Вестибюль был крошечный, длинный, узкий и довольно темный. Такие гостиницы обычно не замечаешь, если не ищешь их специально. На время в них обычно останавливаются коммивояжеры, не желающие тратить слишком много командировочных, а постоянно проживают холостяки, которые не могут себе позволить чего-нибудь получше. Единственный лифт представляет собой железную решетчатую клетку, кое-как оживленную бронзовой краской. Пол в вестибюле кафельный, плевательницы медные. Помимо стойки портье, в вестибюле помещаются пара чахлах пальм да восемь кожаных кресел. В этих креслах ютятся одинокие старики, у которых, кажется, никогда не было прошлого, они живут в комнатах наверху, и время от времени одного из них находят повесившимся на собственном галстуке, привязанном к люстре.

Хогу пришлось спрятаться в дверях «Манчестера», чтобы не быть сбитым с ног толпой подростков, сломя голову несущихся по троту-

ару. Очевидно, это была какая-то игра — до его слуха донеслись последние слова песенки: «...дай ему в лоб, загони его в гроб — и прощай, последний япошка!»

— Ищете кого-нибудь, сэр? Или желаете снять номер?

Слегка удивленный, он резко обернулся. Номер? Еще чего, больше всего ему хотелось оказаться в своей уютной квартирке, но сейчас комната, в которой он смог бы побыть один за запертой на замок дверью, отделяющей от остального мира, вдруг показалась ему самой привлекательной идеей на свете.

— Да, желаю снять номер.

— С ванной или без? — спросил портье. — С ванной пять пятьдесят, без — три пятьдесят.

— С ванной.

Портье внимательно наблюдал, как Хог расписывается в журнале постояльцев, но ключ дал, только получив пять долларов и пятьдесят центов.

— Рад приветствовать вас в нашем отеле, мистер Хог. Билл Шоу, к вашим услугам. Проводи мистера Хога в 412-й.

Одинокий коридорный проводил его в клетку лифта и окинул с головы до ног одним взглядом, про себя отметив дорогое модное пальто и отсутствие багажа. Когда они вошли в 412-й номер, коридорный чуть приподнял окно, зажег свет в ванной и замер у двери.

— Должно быть, ищите кого-нибудь, — предположил он. — Может, помощь какая требуется?

Хог дал ему чаевые.

— Оставьте меня, — хрипло произнес он.

Ухмылка мгновенно исчезла с лица коридорного, и он пожал плечами.

— Ну, как будет угодно.

В номере помещались двуспальная кровать, платяной шкаф с зеркалом, стул и кресло. Над кроватью висела репродукция в раме, с подписью «Колизей при лунном свете». Но дверь запиралась на замок и даже была оборудована задвижкой, а окно выходило не на улицу, а на небольшую боковую аллею. Хог уселся в кресло, одна из пружин которого была сломана, но ему было все равно.

Хог стянул перчатки и уставился на свои ногти. Они оказались довольно чистыми. Может, все это была просто галлюцинация? Может, он вовсе и не посещал никакого доктора Потбери? У человека, страдающего амнезией, всегда может случиться очередной приступ, подумал он, не говоря уже о галлюцинациях.

Впрочем, нет, все это не могло быть галлюцинацией; слишком уж отчетливо он помнил случившееся. Или могло? Он принялся вспоминать, как все в точности было.

Сегодня была среда, его обычный выходной. Вчера он, как обычно, вернулся домой после работы. Он уже готов был начать переодеваться